

Ася Юрская

ЛЕДИ
из
НИОТКУДА

Ася Юрская

Леди из ниоткуда

«Автор»

2026

Юрская А.

Леди из ниоткуда / А. Юрская — «Автор», 2026

В Верхнем Ярусе магия — это безупречные формулы, стерильная чистота и голубая кровь. В Нижнем — это запах гари, ржавый лом и умение выжить любой ценой. Ариана знает правила улиц: не доверяй, не сдавайся и бей первой. Но когда высокомерный лорд-теоретик Себастьян Вандервуд вытаскивает её из трущоб, чтобы сделать из «уличной крысы» леди высшего света, ей приходится играть по чужим правилам. Их сделка проста: он учит её этикету и высшей магии, она сдаёт экзамены и помогает ему выиграть глупое пари. Но чем ближе они становятся, тем опаснее становится их связь. Его холодный расчёт тает под жаром её первобытной силы, а её недоверие разбивается о его готовность сжечь весь мир ради неё. Но Высший Совет не прощает ошибок. Сможет ли девушка, чья магия вызывает сомнения, сломать систему, построенную на вековой лжи? И готов ли безупречный лорд Вандервуд потерять титул, имя и всё, что у него есть, чтобы защитить ту, кто научила его по-настоящему жить?

© Юрская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ася Юрская

Леди из ниоткуда

Глава 1

Туман в Нижнем Ярусе пах сыростью, угольной пылью, вареной капустой и едва уловимым запахом тотального, безысходного отчаяния. Если принюхаться, можно было уловить нотки дешевых духов, которыми пытались перебить запах канализации, и металлический привкус магии, утекающей в грязь через некачественные заземления.

Ариана этого не чувствовала. Она была слишком занята тем, что по локоть в гудящей, плюющей фиолетовыми искрами утробе парового эфирного котла миссис Хиггинс, отчаянно пытаясь не дать этому ржавому монстру взорваться и снести полквартиры вместе с его обитателями.

— Ариана, деточка, ты там не сварилась? — донесся из-за ее спины писклявый голос, перекрывающий шипение пара. — Может, тебе чаю принести? С мятой? У меня как раз мята осталась, правда, она немного пахнет крысатиной, но если заварить крепко...

— Миссис Хиггинс, — прорычала Ариана, не оборачиваясь и ловко уворачиваясь от струи раскаленного конденсата, которая с шипением обожгла бы ей щеку, если бы она была на дюйм левее. — Если вы принесете мне чай, я использую его как катализатор для обратной тяги. И тогда мы с вами, вместе с этим замечательным котлом, улетим в стратосферу. Вы этого хотите?

— Ох, нет, деточка. У меня радикулит, я высоты боюсь, — вздохнула хозяйка квартиры, и ее пышное платье цвета увядшей фуксии шелестнуло, когда она переступила с ноги на ногу. — Но ты только посмотри, как он гудит! Бедный мой ангелочек, он же сейчас лопнет, как мой покойный муж на соревновании по поеданию пудингов!

— Он не лопнет, — отозвалась Ариана, вытирая тыльной стороной лба пот, оставляя на коже размазанную черную полосу. — Если вы перестанете меня отвлекать. И отойдите на три шага назад. За ту вот бочку с квашеной капустой.

Миссис Хиггинс охнула, причмокнула и послушно ретировалась за бочку, оставив Ариану наедине с разъяренным механизмом.

Ариана была не просто сантехником-самоучкой. В Нижнем Ярусе вообще не было настоящих сантехников, потому что настоящая магия, та, что описана в толстых фолиантах с золотым тиснением, требовала кристально чистых эфирных потоков, идеальных геометрических формул и, что самое важное, голубой крови. Высшие маги, те, кто жил там, наверху, где солнце светило по-настоящему, а не пробивалось сквозь вечный смоговый купол, творили чудеса одним взмахом жезла из редкой древесины. Они могли очистить воду, согреть дом, исцелить болезнь и ещё много всего другого.

А у Арианы была только нижняя, черновая магия. Грязная, грубая, интуитивная. Высшие маги называли ее «отбросами эфира». Ариана называла ее «единственным способом не протянуть ноги до тридцати лет».

Она зажмурилась, чувствуя, как внутри груди разгорается привычный, колющий жар. Низшая магия не текла плавно, как ртуть. Она билась внутри вен, как загнанный зверь, требуя выхода. Ариана сжала в руке самодельный фокус — кусок медной проволоки, намотанный на осколок дымчатого кварца, найденного на свалке у алхимического колледжа.

— Так, ты, ржавое чудище, — прошептала она, чувствуя, как эфирная ткань котла рвется на части от внутреннего давления. — Сейчас мы тебя подлатаем.

Она не стала использовать классические заклинания стабилизации. Во-первых, она их толком не знала. Во-вторых, для них нужен был идеальное произношение, а у Арианы во рту была пыль от раскрошившейся огнеупорной прокладки. Вместо этого она начала напевать. Это был ритмичный, хриплый напев, который она подслушала у старых докеров на набережной. В нем не было высоких слов, зато был ритм, который заставлял саму материю слушаться.

Медная проволока в ее руке раскалилась, а кварц засветился тусклым, болезненно-зеленым светом. Ариана вложила всю свою волю, все свое раздражение и всю злость на этот проклятый туман, на дорожные артефакты, которые она видела витринах Верхнего Яруса, и на миссис Хиггинс, которая все еще тихо причитала за бочкой, в саму структуру котла.

Магия вошла в металл. Котел вздрогнул и шипение пара начало стихать. Фиолетовые искры сменились ровным, спокойным голубым свечением.

— Есть! — выдохнула Ариана, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы. — Я же говорила, что я шептунья, а не...

Она не закончила фразу. Потому что в этот самый момент она поняла свою ошибку. Она стабилизировала давление в основном контуре, но совершенно забыла про клапан обратного сброса, который был забит накипью. Эфир, не найдя выхода в основном котле, рванул в обход.

Ариана услышала тонкий, почти музыкальный звук, с которого начинаются по-настоящему большие неприятности. Это был звук натягивающегося до предела эфирного каната.

— Очуметь, — тихо сказала Ариана.

Она дернулась назад, но было поздно. Громовой удар сотряс маленькую кухню, выбив окна и посыпав на пол осколки стекла. Из недр котла с ревом вырвался фонтан густой, фиолетовой, невероятно вонючей слизи, которая представляла собой денатурированный эфир, смешанный с вековой накипью.

Ариану отбросило назад. Она пролетела по воздуху, изящно огибая стол, и с глухим стуком приземлилась на спину, скользя по полу и сбивая по пути табуретки.

Тишина, которая воцарилась на кухне, была звенящей. Где-то в углу капала вода. Миссис Хиггинс, укрытая слоем фиолетовой пены, медленно вынырнула из-за бочки, ее рот открывался и закрывался, как у карпа.

Ариана лежала на полу, глядя в потолок, который теперь был украшен замысловатым узором из фиолетовых клякс. Всё её тело ныло. Волосы, которые она сегодня утром даже попыталась расчесать, теперь напоминали гнездо ворона, вывалявшегося в желе. Из рта вылетела маленькая шестеренка и со звоном упала на пол.

— Ёж твою медь, — выдохнула Ариана в пустоту.

Она медленно села, сплевывая сажу.

— Вот, чёрт! — продолжила она, уже громче, оценивая масштаб катастрофы. Котел теперь напоминал поникший, обгоревший гриб. Стены кухни были покрыты слизью, которая медленно стекала вниз, оставляя после себя следы, похожие на следы кислотного дождя. — Пипец. Полный, тотальный, безальтернативный пипец.

— Ариана... — прошептала миссис Хиггинс, вытирая фиолетовую пену с глаз, отчего она размазалась еще сильнее, делая ее похожей на утопленницу из болота. — Мой котёл... Мой бедный, любимый котёл...

Ариана поднялась на ноги. Колени предательски дрогнули. Она подошла к хозяйке, стараясь не наступать на лужи слизи, и заглянула ей в глаза.

— Миссис Хиггинс, — сказала она максимально серьезным тоном, который только мог позволить ее перепачканный сажой и слизью вид. — Ваш котел больше не будет гудеть.

— Он... он сломался? — всхлипнула женщина.

— Он эволюционировал, — уверенно соврала Ариана. — Теперь это не просто котёл. Это... эфирный генератор открытого типа. Он больше не греет воду, но зато теперь работает абсолютно бесшумно.

Миссис Хиггинс моргнула, переводя взгляд с Арианы на обугленный остов машины.

— Но он не греет воду, — слабо возразила она.

— Зато он создает потрясающую атмосферу, — парировала Ариана, уже на ходу придумывая план спасения. — Слушайте, миссис Хиггинс. Я сейчас пойду на Свалку. Найду там новый клапан, может быть, даже медный, а не этот жестяной хлам. К вечеру он будет греть воду так, что вы сможете заваривать чай не кипятком, а самым паром из глубин ада. И все это я сделаю бесплатно.

— Бесплатно? — просветлела миссис Хиггинс.

— Абсолютно, — кивнула Ариана. — Считайте это компенсацией за моральный ущерб и... эстетическое преобразование вашей кухни.

Не дожидаясь, пока женщина передумает или потребует доказательств того, что всё будет сделано как надо, Ариана развернулась и вылетела из квартиры, ловко перепрыгивая через порог.

На лестничной клетке она столкнулась с Томми, десятилетним оборванцем с глазами не по-детски умными и носом, который течет с завидным постоянством. Он держал в руках ржавый гаечный ключ.

— Тетя Ари, я ключ принес, как Вы просили, — сказал он, протягивая инструмент. — А еще миссис Дэнверс говорит, что, если вы снова что-то взорвёте в доме, она снимет с вас шкуру и сделает из нее абажур.

Ариана взяла ключ, сунула его в карман своего и без того переполненного фартука и взъерошила Томми по волосам.

— Передай миссис Дэнверс, что ее абажур будет слишком скучным для моей шкуры, потому что я не сижу на месте, — ухмыльнулась она. — А ты беги домой, мелкий. И скажи своей маме, что я зайду вечером, починю ей магическую швейную машинку.

Томми кивнул и пулей слетел вниз по лестнице. Ариана осталась стоять на площадке, прислушиваясь к гулу Нижнего Яруса. Где-то далеко кричали торговцы, ругались соседи, шаркали ноги бесконечной вереницы рабочих, бредущих на фабрики.

Она зашла в свою каморку, которая больше напоминала чулан, но которую она называла «апартаментами с видом на кирпичную стену», скинула пропитанный фиолетовой слизью фартук, швырнула его в угол (постираю потом, или просто сожгу, подумала она), и подошла к маленькому, треснувшему зеркалу.

Из зеркала на нее смотрела девушка, которую было сложно назвать красавицей в классическом понимании. Кожа бледная, но сейчас полностью перепачканная сажей и эфирной слизью. Волосы, когда-то каштановые, а теперь непонятного пепельно-серого цвета от вечного смога, торчали во все стороны. Но глаза... Глаза были огромные, цвета крепко заваренного чая, с хитрыми искорками, которые не могла скрыть никакая грязь. И губы, которые сейчас были плотно сжаты, но которые, стоило ей улыбнуться, могли обезоружить даже самого черствого ростовщика.

— Ну ты и дурочка, Ариана, — сказала она своему отражению. — Снова влипла. Клапан обратного сброса... Идиотка. Надо было просто вырезать его к чертовой матери.

Она схватила со стола жесткую щетку и начала яростно тереть лицо, морщась от боли. Слизь отходила неохотно, оставляя на коже красные разводы.

Жизнь в Нижнем Ярусе была простой и жестокой. Ты рождаешься, ты работаешь, ты умираешь. Магия, которой ты обладаешь, позволяет тебе разве что подлатать крышу или заставить метлу самой подметать пол, если ты очень сильно постараться и потратишь на это все свои силы до последней капли. А наверху, за облаками смога, живут они. Благородные. Высшие. Те, кто управляет миром, потому что их магия — это искусство, наука, религия.

Ариана терпеть не могла высших магов. Она никогда их не видела, кроме как на гравюрах в старых журналах, которые она таскала с помойки у букиниста. Они казались ей надменными,

холодными и абсолютно оторванными от реальности. Они рассуждали о «чистоте эфира», пока дети в Нижнем Ярусе умирали от эфирной лихорадки, потому что их организмы не могли адаптироваться к грязному фону.

Но больше всего Ариану бесило не их высокомерие. Ее бесило то, что она знала: их магия — это не дар богов. Это просто хорошо забытая, тщательно отполированная и упакованная в красивые формулы та самая грязная, интуитивная магия, которой пользовались их предки-первопроходцы. Они просто украли ее, очистили, заперли в академические рамки и объявили своей эксклюзивной собственностью.

— Ладно, — вздохнула Ариана, бросая щетку в таз с мутной водой. — Философия подождет. Сначала нужно найти клапан.

Она натянула на себя более-менее чистую рубашку, поверх надела свой фирменный кожаный жилет с кучей карманов, в которых звенели гайки, болты и обломки артефактов. На голову натянула кепку, сдвинув ее на самый затылок. В кармане нащупала горсть медных монет — ее скромные сбережения, которые она копила на новый фокус.

Выйдя на улицу, Ариана глубоко вдохнула. Воздух здесь был густым, тяжелым, но для нее он был родным. Она зашагала по узкой, кривой улочке, ловко лавируя между тележками торговцев и лужами непонятного происхождения.

Нижний Ярус был лабиринтом. Дома здесь лепились друг на друга, как пьяные моряки в портовом трактире, подпирая друг друга балками и рунными растяжками, которые светились тусклым, болезненным светом. Витрины лавок были завалены хламом: от магических крыс, которых продавали как дешёвых охранников, до бутыльков с «живой водой», которая на деле была просто подкрашенной эфирной настойкой.

Ариана шла к границе Яруса, туда, где начиналась Свалка — место, где оседал весь магический мусор Верхнего и Среднего миров. Именно там, в горах ржавого металла и разбитых кристаллов, можно было найти то, что нужно.

Чем ближе она подходила к границе, тем сильнее менялся пейзаж. Грязь и теснота уступали место более широким улицам, хотя дома всё еще были серыми и мрачными. А потом, вдруг, улица обрывалась, упираясь в огромную, сияющую стену из белого камня и стекла.

Это была Граница. Разделительный барьер, который отделял Нижний Ярус от Среднего, а дальше, высоко-высоко, виднелись парящие в небе шпили Верхнего Яруса. Они висели в воздухе, словно перевёрнутые сталактиты, залитые солнцем, которого внизу не видели никогда. Оттуда, сверху, доносился едва слышный звон колокольчиков и пение птиц. Там, говорили, даже дождь шёл только по расписанию, чтобы не испортить причёски благородным леди.

Ариана остановилась, задрала голову и посмотрела на эти парящие острова роскоши. В её чайных глазах на мгновение мелькнуло что-то острое, болезненное. Не зависть. Нет, зависть — это для слабых. Это было ощущение человека, который знает, что ему принадлежит мир, но у которого украли ключи от дверей.

— Красиво, да? — раздался рядом хриплый голос.

Ариана обернулась. Рядом с ней, опираясь на трость, стоял старый Сильвестр, слепой старик, который когда-то был великим артефактором, а теперь торговал на Свалке ржавыми рунами. Он смотрел невидящими, мутными глазами точно в сторону парящих шпилей.

— Красиво, Сильвестр, — кивнула Ариана. — Только жрут они там, наверное, повкуснее, чем каша миссис Хиггинс.

Старик рассмеялся, обнажая дёсны.

— Язык у тебя как бритва, девчонка. Не доведёт он тебя до добра, помани моё слово.

— Поскорей бы, — ухмыльнулась Ариана. — Ладно, старик, я пошла. Мне нужен эфирный клапан. Диаметр три дюйма, резьба левая. И чтобы не треснул от первого же скачка напряжения.

— Третий ряд, палатка с вывеской «У Горбатого», — кивнул Сильвестр. — Только Горбатый сегодня злой. Ему вчера Бюро учета магических артефактов лицензию на продажу зелий аннулировала. Будет драть втридорога.

— С Горбатым я сама разберусь, — Ариана подмигнула старику. — У меня сегодня день тяжелый. Котёл взорвала, стену измазала, настроение на нуле. Если он не даст скидку, я ему его горб переставлю так, что он будет ходить лицом назад.

Сильвестр снова рассмеялся и пошел прочь, постукивая тростью. Ариана же, поправив кепку, шагнула в тень огромных ворот Свалки, которые вели в мир выброшенного, сломанного, но всё ещё потенциально живого магического хлама.

Она не знала, что где-то там, за сверкающей стеной, в своих идеальных, вылизанных до блеска аудиториях, молодой лорд Себастьян Вандервуд только что закрыл толстый фолиант по теоретической магии и с отвращением посмотрел на своих однокурсников, которые обсуждали, чьи новые перчатки лучше подходят к цвету их мантий. Она не знала, что ее судьба, которая уже начала плести свои сети, скоро столкнется с его судьбой с такой же силой, с какой взрывается плохо почищенный эфирный котел.

Глава 2

Лорд Себастьян Вандервуд считал, что в этом мире всё должно подвергаться правильной классификации и что спасти его можно только так. Если бы все вещи, явления и магические потоки были разложены по полочкам, промаркированы и помещены в идеальные геометрические формулы, в мире не было бы хаоса. А если не было бы хаоса, не было бы и необходимости общаться с людьми, которые этот хаос олицетворяли.

Себастьян был идеальным воплощением высшего света. Ему было двадцать два года, он учился на последнем курсе магического университета «Святой Магнус», и его теоретические работы уже публиковались в «Ежегоднике Эфирных Наук». У него были тёмные, идеально уложенные волосы, которые никогда не смели беспорядочно торчать, серые глаза цвета зимнего льда и осанка, которую ему вправляли с пяти лет. Его мантия была сшита из серебристого шёлка, а на пальце красовалось кольцо с черным алмазом — семейная реликвия, усиливающая концентрацию.

И именно этот безупречный лорд сейчас стоял посреди зала теоретической магии и смотрел на своих однокурсников с выражением лица, которое в приличном обществе означало бы глубокое презрение.

— Ваша концепция, лорд Вандервуд, разумеется, увлекательна, — тянул носом герцог Лестер, лениво играя золотой цепочкой своих часов. — Но идея о том, что «низшая» магия Трущоб является не просто отбросами эфира, а его адаптированной формой, звучит... эксцентрично. Вы предлагаете нам поверить, что грязь может быть столь же структурирована, как кристалл?

Себастьян медленно моргнул.

— Я предлагаю вам поверить, Лестер, что вы слишком много времени проводите в зеркальных залах и слишком мало — в библиотеке, — ответил он, его голос был тихим, но звенел от ледяного спокойствия. — Эфир не делится на «чистый» и «грязный». Он лишь меняет частоту вибрации в зависимости от среды. Если мы не изучим нижние частоты эмпирически, наша теория магии останется неполной.

— Эмпирически? — Лестер рассмеялся, и его приятели дружно подхватили этот смех. — Вы что, предлагаете Вам, наследнику рода Вандервудов, спуститься в Нижний Ярус? В эту... помойку? Вы же там тотчас же испачкаете ботинки, Себастьян!

Себастьян не стал отвечать. Он просто закрыл свой фолиант, идеально ровно положил его в портфель и вышел из аудитории.

Он не был бы Вандервудом, если бы позволил чьему-то невежеству остановить его. Эмпирические данные были необходимы. Его диссертация требовала полевых исследований. И к черту испачканные ботинки.

Через час Себастьян стоял перед массивными бронзовыми воротами лифта, соединяющего Верхний и Нижний Ярусы. Он был одет в свой лучший дорожный костюм из тонкой шерсти цвета грозовой тучи, на ногах были безупречные сапоги из драконьей кожи, а в руке он сжимал «Орион-7» — новейший эфирный навигатор, созданный лучшими артефакторами университета. Эта штука стоила как небольшой особняк в Среднем Ярусе и могла проложить безопасный маршрут через любые магические аномалии.

— Сэр, вы уверены? — спросил кондуктор, пожилой мужчина с усталым лицом, глядя на безупречный облик лорда. — Внизу сейчас сезон эфирных дождей. Грязь будет по щиколотку.

— Моя уверенность не подлежит обсуждению, — отрезал Себастьян, шагая в кабину.

Спуск занял десять минут. Когда двери открылись, в Себастьяна ударил запах зловония: смесь угольной пыли, резкого, металлического привкуса озона и, что особо ужасно, пищевых отходов.

Себастьян поморщился, доставая из кармана тонкий шелковый платок, пропитанный лавандовыми духами, приложил его к носу, и шагнул на платформу.

Нижний Ярус встретил его шумом. Благородный шелест шелков и тихий звон хрусталя остались наверху. Здесь же стояла ужасающая какофония. Гудели паровые машины, скрипели телеги, орали торговцы, ругались рабочие. Люди здесь двигались быстро, суетливо, их лица были серыми от копоти, а глаза — настороженными.

Себастьян активировал «Орион-7». Кристалл в центре прибора засветился ровным голубым светом, и перед ним возникла голографическая карта местности.

— Проложить маршрут до ближайшего узла нестабильного эфира, — произнес он чётким, академическим тоном.

Прибор зажужжал. Голубой свет мигнул, затем стал фиолетовым, потом и вовсе начал пульсировать ярко-красным. Стрелка на циферблате дернулась, сделала полный оборот и замерла.

— Ошибка калибровки, — сообщил прибор механическим голосом. — Слишком высокий уровень фонового шума. Эфирная ткань неоднородна. Невозможно построить вектор.

Себастьян нахмурился, постучав пальцем по корпусу артефакта.

— Перегрузка. Игнорировать фоновый шум, ориентироваться на структурные аномалии.

Прибор пискнул и выдал искру, которая больно ударила его в палец. Стрелка снова закружилась в бешеном танце.

— Проклятие, — выдохнул Себастьян. Его идеальная теория разбивалась о суровую реальность. Эфир здесь был настолько «грязным», что забивал тонкие фильтры навигатора.

Ему пришлось убирать прибор в карман и полагаться на собственные глаза. Он выбрал направление, где, по его прикидкам, должно было быть больше всего промышленных стоков — а, значит, и магических аномалий.

Он зашагал по улице. Его сапоги тут же чавкнули, увязая в жиже непонятного происхождения. Себастьян скривился, но продолжил путь. Местные жители смотрели на него оценивающими и хищными взглядами. Благородный лорд в Нижнем Ярусе был не гостем. Он был добычей.

— Эй, красавчик! — крикнул ему вслед какой-то детина с рукой, замененной на ржавый магический протез. — Не потерял ли ты свою шляпу в пруду?

Себастьян проигнорировал его, выпрямив спину еще сильнее. Он свернул в переулок, пытаясь срезать путь. Здесь было темнее, а стены домов нависали над головой, загораживая и без того тусклый свет магических фонарей.

И тут он понял, что совершил ошибку.

Переулок был тупиковым. В конце его высилась глухая стена из красного кирпича, покрытая граффити, которые, если присмотреться, были не просто рисунками, а кривыми, нестабильными рунными формулами.

Себастьян уже собрался развернуться, когда услышал звук.

Это было тихое, ритмичное шуршание. И писк. Тонкий, противный писк, от которого по спине пробежали мурашки.

Из теней, из-за мусорных баков, из дыр в стенах начали выползать они. Эфирные крысы.

В учебниках университета о них писали вскользь, как о «незначительной фауне нижних слоев», но учебники не передавали их размеров. Эти твари были размером с крупную кошку. Их шерсть была слипшейся от грязи и магического мусора, глаза светились зеленым, а из пасти капала слюна, которая шипела, падая на камни. Они питались утечками эфира, и присутствие Себастьяна — с его идеальной, чистой, мощной аурой высшего мага — было для них как приглашение на пир.

Крысы окружили его полукругом. Их было не меньше десятка.

— Спокойно, — прошептал Себастьян, доставая свой жезл из черного эбенового дерева с сердцевинкой из пера грифона. — Это просто животные. Они реагируют на страх.

Он сделал глубокий вдох, выстраивая в ментальном поле идеальную геометрическую конструкцию заклинания отпугивания.

— Люминус Репелло! — четко произнес он, делая точный, отработанный до автоматизма взмах жезлом.

В нормальных условиях из жезла вырвался бы ослепительный сноп чистого белого света, который отбросил бы тварей назад. Но здесь, в Нижнем Ярусе, эфир был густым и вязким. Заклинание, вылетевшее из жезла, было размером с футбольный мяч, тусклого желтоватого цвета. Оно ударилось в воздух впереди него и рассыпалось искрами, как разбитая стеклянная игрушка.

Крысы взвизгнули, но не отступили. Они поняли, что добыча не так опасна, как казалась. Самая крупная из них, с обгрызанным ухом, прыгнула ему на сапог, впиваясь зубами в драконью кожу.

— Ах ты, мелкая... — Себастьян отшатнулся, стряхивая тварь. Он попытался создать «Эгиду» — защитный купол. Но снова неудача. Чистая магия высшего порядка требовала чистого канала, а местный фон был настолько перенасыщен «грязью», что его заклинания просто вязли в воздухе, не успев сформироваться.

Крысы почувствовали его замешательство. Они начали сужать кольцо, их зелёные глаза горели голодом. Одна из них прыгнула ему на плечо, оставляя на дорогой ткани следы грязных когтей.

Себастьян Вандервуд, гордость рода Вандервудов, лучший теоретик «Святого Магнуса», впервые в жизни почувствовал липкий, холодный страх. Он поднял жезл, готовясь бить тварей физически, если магия не работает, но тут раздался грохот.

— Да что ж за грёбанный день такой! — раздался женский голос, полный такой искренней и безграничной ярости, что крысы на мгновение замерли.

Из-за угла, ведущего к основному проспекту, вылетела девушка. Она была вся в саже, ее волосы торчали во все стороны, а в руках она сжимала тяжелый, ржавый лом и какой-то дерматиновый мешок.

Ариана только что удачно выменяла у Горбатого эфирный клапан и собиралась идти домой, когда услышала визг. И теперь она стояла, глядя на картину: идеальный, похожий на картинку лорд, которого окружают эфирные крысы.

— Очуметь, — сказала Ариана, оценивая ситуацию. — Благородный. Вот, идиот...

Она не стала тратить время на заклинания. Во-первых, в этом переулке эфир был слишком грязным для тонкой работы. Во-вторых, у нее не было настроения.

Ариана сделала шаг вперед, и воздух вокруг нее буквально задрожал. Она не строила геометрических фигур. Она просто вложила всю свою злость на этот проклятый день, на взорванный котел, на Горбатого, который заломил цену, и на идиота в дорогом костюме, который умудрился забрести в самый опасный тупик Трущоб, в самую магическую ткань лома.

Лом в ее руках раскалился докрасна.

— Ах вы, уродские помойные твари! — взревела она, замахиваясь ломом как бейсбольной битой. — Да чтоб вас эфиром прибило!

Удар пришелся по ближайшей крысе. Раздался хруст костей, а магический хлопок был таким мощным, что крысу разнесло на фиолетовые искры.

Себастьян замер, забыв о крысе, которая пыталась прогрызть его запястье. То, что он увидел, заставило его мозг теоретика на секунду отключиться.

Девушка не использовала жезл и не произносила никаких слов с латинскими корнями. Она просто била ломом, и с каждым ударом из металла вырывалась не структурированная, а

дикая, первобытная волна магии. Это было насилие над эфиром, но при этом — абсолютное, тотальное подчинение ему. Ее магия была грубой, как кувалда, но она работала.

— Да получите же! — Ариана пнула ногой еще одну крысу, и от ее сапога разошлась ударная волна, которая прибила тарей к стенам. — Я вам сейчас хвосты пообрываю и на шашлыки пушу, уроды вы такие!

Она крутилась в центре стаи, как демон, сошедший с картин в дешевых тавернах. Лом свистел, искры летели, маты сыпались как из рога изобилия. Это было некрасиво, неэстетично и абсолютно, вопиюще неправильно с точки зрения академической магии.

Но это было так великолепно, что Себастьян просто потерял дар речи.

Последняя крыса, та, что висела на его плече, пискнула, спрыгнула и с невероятной скоростью ретировалась в канализационный люк. Остальные последовали ее примеру.

Переулок опустел.

Ариана остановилась, тяжело дыша. Лом в ее руке медленно остывал, возвращаясь из ярко-красного к тусклому ржавому цвету. Она вытерла тыльной стороной ладони пот со лба, оставляя черную полосу, и повернулась к Себастьяну.

Лорд стоял, прижавшись к стене. Его идеальная прическа была растрепана. На плече мантии виднелись грязные следы от когтей. Лицо было бледным, как полотно.

Ариана подошла ближе, прищулив свои огромные чайные глаза. Она оглядела его с ног до головы, оценивая ущерб.

— Слушай сюда, благородный хрен с горы, — начала она, и ее голос был тихим, но от него у Себастьяна по спине пробежал новый холодок. — Ты что, совсем обалдел, чтобы в Кривой тупик спускаться? У тебя же на лбу написано «обери меня, я богатый и тупой»!

Себастьян открыл рот, чтобы ответить, чтобы потребовать, чтобы... он не знал, что он должен был сделать. Его безупречный мир рушился. Эта девушка только что использовала магию уровня, который в университете считался мифическим, и при этом материлась так, что его гувернантка упала бы в обморок.

— Я... — начал он, но его голос предательски хрипнул. Он откашлялся. — Я проводил полевые исследования. Мой навигатор вышел из строя.

— Полевые исследования? — Ариана фыркнула, подходя еще ближе. От нее пахло озоном, углем и каким-то ягодами. — Ты в помойке, идиот. Здесь не исследуют, здесь выживают. Посмотри на себя. Ты весь в дерьме. И не только в том, что под ногами.

Она ткнула пальцем ему в грудь, прямо в дорогой серебристый шелк.

— Твоя магия, — она сплюнула себе под ноги, — она тут не работает. Потому что ты пытаешься говорить с эфиром на языке аристократов, а эфир здесь говорит на языке доков. Ты для него как... как фарфоровая чашка в кузнице. Ты звенишь, но пользы ноль.

Себастьян смотрел на её палец, касавшийся его груди. Он должен был отстраниться. Он должен был вызвать стражу и арестовать ее за оскорбление лорда. Но он не мог. Он смотрел в ее глаза и видел там не покорность, не страх перед его титулом, а искреннее, неподдельное раздражение. И еще... он видел силу. Ту самую, которую он искал.

— Как... как вы это сделали? — спросил он тихо, игнорируя её оскорбления. — Ваше заклинание. Оно не имело структуры и было совершенно хаотичным, но сработало. Как вы стабилизировали обратную отдачу?

Ариана моргнула, явно не ожидая такого вопроса. Она опустила руку и посмотрела на него как на умалишенного.

— Стабилизировала отдачу? — переспросила она. — Чувак, я просто вложила в лом столько злости, что он сам не хотел возвращаться в руку. Какая к чертям собачьим структура? Ты вообще кто такой? Сбежал из Святого Магнуса?

— Лорд Себастьян Вандервуд, — автоматически ответил он, выпрямляясь и пытаясь вернуть себе хотя бы тень достоинства. — Студент третьего курса теоретического факультета.

— О, — протянула Ариана, и ее лицо приняло выражение глубокого, сочувственного страдания. — Бедный, бедный мальчик. Тебя, наверное, в детстве мало били, раз ты такой умный, лорд Вандервуд. Звучит как название дорогого сорта сыра, который плесневеет в пещерах.

Себастьян почувствовал, как у него начинает дергаться глаз.

— Мое имя не имеет значения, — холодно сказал он. — Имеет значение то, что вы только что продемонстрировали крайне опасный и неконтролируемый выброс магии. Если бы вы не были так некомпетентны, вы могли бы вызвать эфирный резонанс и обрушить этот переулок.

Ариана расхохоталась. Это был громкий, искренний смех, который эхом отразился от кирпичных стен.

— Ох, лорд Сыр, ты меня уморил! Неконтролируемый? — она шагнула к нему, и Себастьян, к своему ужасу, обнаружил, что не отступает. — Слушай сюда. Твоя «контролируемая» магия тут сдохла, как только ты пересек границу. А моя «неконтролируемая» спасла тебе твою красивую, холёную задницу. Так что давай без лекций, хорошо?

Она развернулась, поднимая свой мешок с клапаном.

— Иди по этому переулку назад, потом сверни направо, иди прямо, пока не упрёшься в стену. Там будет лестница. Поднимайся вверх, к своим пингвинам в тумане. И в следующий раз, когда захочешь «исследовать» наш мир, надевай что-нибудь, что не жалко выбросить.

Она подмигнула ему, развернулась и зашагала прочь, ее сапоги громко шлепали по лужам.

Себастьян остался стоять в пустом переулке. Он медленно поднял руку и посмотрел на свои перчатки. Они были испачканы. Его мантия была испорчена. Его достоинство было растоптано девушкой, которая пахла углем и использовала лом как магический фокус.

Он должен был быть в ярости. Он должен был чувствовать отвращение. Но вместо этого он достал из кармана «Орион-7». Прибор, который еще пять минут назад безнадежно глючил, теперь светился ровным, спокойным голубым светом. Стрелка указывала верное направление. Эфирный фон в переулке был «очищен» — не академическими заклинаниями, а грубой, силовой чисткой, которую устроила эта девушка.

Себастьян смотрел ей в спину, пока она не скрылась за поворотом. В его голове, в его безупречной, классифицированной голове, начала формироваться новая мысль. Она была крамольной, нарушала все правила, но была такой... захватывающей.

Он медленно достал из внутреннего кармана маленький, кожаный блокнот — свой личный дневник наблюдений. Достал серебряную ручку.

«Объект наблюдения номер один, — написал он, его почерк был идеально ровным, несмотря на пережитый шок. — Женского пола. Представительница нижних слоев. Магия: первобытная, неструктурированная, но обладающая колоссальной проникающей способностью. Словарный запас: катастрофический. Манеры: отсутствуют. Вывод: моя предыдущая теория была неполной. Требуется более глубокое, личное изучение. P.S. Она назвала меня сыром. Я должен это обдумать. Или отомстить. Пока не решил.»

Глава 3

Лорд Себастьян Вандервуд шагал по мраморным коридорам магического университета «Святой Магнус», и каждый его шаг отдавался гулким, идеальным эхом. Здесь, в Верхнем Ярусе, воздух был не просто чистым — он был стерильным. Он пах озоном после грозы, дорогим сандалом и едва уловимой ноткой лаванды, которой окуривали залы для заклинаний. Потолки терялись в магической дымке, расписанной фресками, где древние маги в белоснежных мантиях творили чудеса, не пачкая рук. Самоочищающиеся ковры мягко стелились под ногами, а парящие хрустальные глобусы освещали путь ровным, нежным светом.

Себастьян чувствовал себя так, словно на него надели чужую, идеально сидящую, но совершенно незнакомую кожу.

Он только что прошел через шлюз очистки, который должен был снять с его одежды и тела всю «нижнюю» грязь. Машина просканировала его, жужжа и мигая синими огнями, и выдала короткий, разочарованный писк. Себастьян посмотрел вниз. Его безупречные сапоги из драконьей кожи были спасены, но на левой подошве, в самом углу, застрял крошечный, почти невидимый кусочек засохшей грязи из Нижнего Яруса.

Себастьян поморщился, словно увидел дохлую крысу в бокале с шампанским. Он мысленно представил, как эта грязь попала туда. Как он стоял в том вонючем переулке. Как на его плечо прыгнула тварь, а потом появилась она.

Девушка с ломом. Девушка, чей словарный запас мог заставить покраснеть даже портового грузчика, и чья магия...

Себастьян остановился, прижимая руку к виску. Его теоретический ум, привычный раскладывать все по полочкам, сейчас буксовал. Он пытался вписать ее действия в известные формулы, но у него никак не получалось. Ее магия не подчинялась законам сохранения эфира. Она брала энергию из самого хаоса, из грязи, из отчаяния, и превращала ее в чистую, разрушительную силу. Это было невозможно. Это нарушало все законы, написанные за последние триста лет.

И именно поэтому он должен был это доказать.

Себастьян решительно тряхнул головой, отгоняя мысли о девушке с лохматой копной тёмно-русых волос и чайными глазами, и свернул в сторону западного крыла. Ему нужно было срочно выпить.

Двери из полированного черного дерева с инкрустацией из перламутра бесшумно разошлись в стороны, впуская его в «Серебряного Грифона» — закрытый клуб для студентов высших курсов и выпускников аристократических фамилий. Внутри было тепло и уютно. Камин, в котором горел магический огонь, не дающий копоти, отбрасывал золотистые блики на бархатные кресла. У камина, растянувшись в позе, которая должна была бы считаться оскорбительной для осанки, но которая на нем смотрелась органично, лежал герцог Лестер. Рядом с ним, за столом, покрытым скатертью из облачной ткани, сидели Джулиан и Кассиан.

— ...и поэтому я сказал лакею: если вы не можете отличить эльфийское кружево от гобеленского, вам не место у нас в доме, — лениво тянул Лестер, играя бокалом с рубиновой жидкостью. Он был золотоволосым, красивым до тошноты и настолько богатым, что сам Правитель мог позавидовать.

— Блестяще, Лестер, — зевнул Джулиан, вертя в пальцах золотую монету, которая то и дело пыталась улететь. — Но ты упустил главное. Эльфийское кружево пахнет лесом, а гобеленское — пылью. Лакей должен был понюхать и если он этого не сделал, то это непростительно.

Себастьян подошел к столу. Его появление было встречено легкими кивками.

— Вандервуд, — приветствовал его Лестер, не меняя позы. — Ты выглядишь... напряженно. Боги, чем ты воняешь?

Лестер приняхался, его идеальный нос сморщился.

— Углем? — подсказал Кассиан, не отрываясь от журнала мод. — Или, может быть, крысиным помётом? Себастьян, ты не мог. Ты же не спускался в этот... этот отстойник?

— Я проводил полевые исследования, — сухо ответил Себастьян, садясь в свободное кресло. Он выпрямил спину, игнорируя желание потереть виски. — Мне нужны были эмпирические данные для диссертации по адаптивной частоте эфира в средах с высокой турбулентностью.

Лестер рассмеялся. Это был лёгкий, мелодичный смех, который в высшем обществе означал высшую степень скепсиса.

— Полевые исследования? В Трущобах? Себастьян, ты же теоретик. Твоя стихия — это тихие библиотеки и пыльные фолианты. А там... там же грязь. И люди, которые не знают, с какой стороны держать вилку для устриц. Что ты там мог найти? Разве что блох.

— Я нашёл подтверждение своей гипотезы, — ровным тоном сказал Себастьян, беря со стола графин с водой и наливая себе стакан. — Нижняя магия, которую вы так презрительно называете «отбросами», не является деградированной высшей. Это эволюционная адаптация. Эфир в Нижнем Ярусе плотный, грязный, насыщенный хаотичными резонансами. Чтобы работать в такой среде, магу приходится перестраивать структуру заклинаний. Они не используют чистые геометрические формы. Они используют... импульсы. Ритм. Эмоциональные якоря.

Джулиан перестал вертеть монету. Кассиан оторвался от журнала. Лестер же посмотрел на Себастьяна так, словно тот только что предложил есть суп вилкой ложечкой для десерта.

— Себастьян, друг мой, — начал Лестер, садясь и принимая позу лектора. — Ты умный парень. Лучший теоретик нашего потока. Но иногда ты уходишь в такие дебри, что забываешь, где реальность. Ты предлагаешь нам поверить, что магия грязных может быть столь же хороша как наша? Что эти... эти «адаптации» имеют хоть какую-то научную ценность?

— Я предлагаю вам поверить в факты, — парировал Себастьян, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. — Эфир не делится на «чистый» и «грязный». Он лишь меняет частоту вибрации. Если мы не изучим нижние частоты, наша теория магии останется неполной. Мы игнорируем целый пласт данных.

— Данные? — Лестер фыркнул. — Какие данные? Ты видел, как они колдуют? Я видел однажды, как старый бомж в Среднем Ярусе пытался зажечь трубку. Он потратил на это десять минут, вспотел, произнёс какое-то мычание, и в итоге у него загорелись штаны. Это не магия, Себастьян. Это жалкая пародия. Биологический тупик. Они даже читать не умеют, не то, что эфирные узлы вязать. Их мозг не способен воспринимать высшие концепции.

Себастьян сжал стакан так сильно, что тонкое стекло хрустнуло.

В его голове вдруг встал образ девушки в переулке. Как она держала лом. Как она, не используя ни одной латинской связки, ни одной геометрической фигуры, разнесла стаю эфирных крыс в пыль. Как она посмотрела на него и сказала, что его магия здесь «сдохла». Она не была биологическим тупиком. Она была хищником, который идеально адаптировался к своей среде. И Лестер, со своими идеальными манерами и вчерашним кружевом, не имел права называть ее тупиком.

— Вы ошибаетесь, — тихо, но жестко сказал Себастьян. — Их мозг способен. Просто они используют другие нейронные связи. Их магия интуитивна, но от этого не менее мощна. В правильной среде, с правильным обучением, представитель нижних слоев мог бы освоить высшую магию. Возможно, даже превзойти нас.

В «Серебряном Грифоне» воцарилась тишина. Джулиан медленно опустил монету на стол. Кассиан закрыл журнал. Лестер посмотрел на Себастьяна, и в его глазах читалось искреннее недоумение, смешанное с жалостью.

— Себастьян, — протянул Лестер, словно разговаривая с умалишенным ребенком. — Ты... ты в своём уме? Представитель нижних слоев? Освоит высшую магию? Превзойдёт нас? Это самое абсурдное утверждение, которое я слышал за всю свою жизнь. Это всё равно что сказать, что свинья может стать балериной, если дать ей пуанты и научить держать спину.

— Свинья не может, — упрямо возразил Себастьян, цепляясь за свою теорию, как за спасательный круг. Его гордость, гордость ученого, была уязвлена. — Но человек может. Если начать с правильной базы.

— Докажи, — вдруг сказал Кассиан. Его голос был тихим, но в нём звучали опасные нотки. Кассиан был самым циничным из них троих и любил жестокие шутки.

Себастьян моргнул.

— Что?

— Докажи, — повторил Кассиан, опираясь подбородком на руку. — Ты так уверен в своей «адаптивной теории». Давай проверим её на практике.

Лестер захохотал, подхватывая идею.

— О, это будет великолепно! Себастьян, я предлагаю пари. Если ты так веришь, что любой грязный трущобник может стать магом, найди одного, приведи его сюда, посмотри, как он попытается произнести хотя бы простейшее заклинание стабилизации и когда он, естественно, потерпит неудачу, ты публично признаешь, что твоя теория — это бред сумасшедшего.

Себастьян смотрел на них. На их самодовольные, холеные лица. На их уверенность в том, что мир делится на избранных и на грязь. Он вспомнил запах озона и угля, вспомнил, как лом в руках девушки раскалился докрасна. Да, его теоретический ум требовал доказательств, но его уязвленное эго требовало победы.

— Нет, — сказал Себастьян. Его голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Это слишком простое условие. Вы не дадите ему шанса. Вы скажете, что он просто не подготовлен.

— Тогда какие условия ты предлагаешь? — приподнял бровь Лестер, разжигаясь азартом.

Себастьян поставил стакан на стол. Он думал всего секунду, но ему казалось, что он взвешивает все возможные переменные.

— Я найду девушку из самого нижнего яруса. Ту, кто никогда не видел высшей магии и не имеет никакого образования. Я возьму её под свое покровительство, обучу теоретической базе, практическим заклинаниям и... — он поморщился, вспоминая её манеры, — ...этикету. Я превращу её из уличной грязнули в леди. И на Бал в честь Зимнего Солнцестояния, через три месяца, я представлю её Высшему Магическому Совету.

Джулиан подавился своим вином. Кассиан широко раскрыл глаза.

— Если Совет примет её, если они признают её магию равной нашей и допустят в высший свет как равную себе, — продолжил Себастьян, не обращая внимания на их шок, — значит, моя теория верна. И вы, Лестер, публично признаете своё теоретическое поражение. И отдадите мне «Око Этельгарда».

«Око Этельгарда» — это был древний артефакт, семейная реликвия Лестеров, которую он получил в наследство. Он стоил целое состояние и был мечтой любого исследователя магии.

Лестер медленно поставил бокал на стол. Его улыбка исчезла.

— Ты блефуешь, Вандервуд. Ты не сможешь научить дикарку даже завязывать шнурки, не говоря уже о том, чтобы пройти через защиту Совета. Они почувствуют в ней «грязь» за версту.

— Тогда тебе не придется расставаться с Оком, — парировал Себастьян. — А если я проиграю... я откажусь от титула «Первого Теоретика» в пользу тебя. И оплачу все твои счета в этом клубе за следующий год.

Воздух в комнате, казалось, наэлектризовался. Титул «Первого Теоретика» был не просто почетным званием. Он давал право на первоочередной доступ в Имперскую Библиотеку и место в Академическом Совете сразу после выпуска. Это была карьера, о которой мечтал каждый студент.

— Ты готов рискнуть всем ради какой-то уличной крысы? — тихо спросил Кассиан, глядя в лицо Себастьяна.

— Я готов рискнуть всем ради истины, — холодно ответил Себастьян.

Лестер смотрел на него долго, оценивающе. Потом его губы снова растянулись в улыбке.

— Идёт, — сказал он, протягивая руку. — Но мы заключаем магический контракт. Чтобы ты не мог отказаться, если испугаешься. Кровь и эфир.

Себастьян кивнул. Он достал из внутреннего кармана свой серебряный стилет. Лестер сделал то же самое. Они оба сделали крошечные надрезы на больших пальцах и смешали капли крови в воздухе между ними.

Лестер произнес слова связывания. Воздух вспыхнул тусклым золотым светом, и невидимые нити магии оплели их запястья, скрепляя условия пари. Контракт был заключен.

— Три месяца, Себастьян, — напомнил Лестер, убирая стилет. — К Балу Зимнего Солнцестояния. Если твоя «леди» не пройдет проверку Советом, ты отдашь мне свой титул. А я начну выбирать, как потратить твои деньги в этом клубе.

— Готовься платить по счетам, Лестер, — бросил Себастьян, вставая с кресла.

Он вышел из «Серебряного Грифона» с идеально прямой спиной, игнорируя взгляды друзей. Он шёл по коридору, и только сейчас, когда адреналин начал отступать, он осознал масштаб того, что только что сделал.

Он заключил пари, которое могло разрушить его карьеру. Ради чего? Ради научной истины? Да. Ради того, чтобы заткнуть рот Лестеру? Безусловно.

Но где-то в глубине души, в том самом месте, которое он тщательно прятал за слоями академической высокомерности, его терзал вопрос: а не девушка ли была причиной всему этому?

Себастьян дошел до своих покоев — просторной комнаты с высоким потолком и окнами, выходящими на парящие сады. Он сбросил мантию, подошел к письменному столу и достал свой маленький, кожаный блокнот. Он открыл его на чистой странице, взял перо и долго смотрел на белый пергамент. Потом начал писать. Его почерк был идеально ровным, но нажим был чуть сильнее обычного.

«Под влиянием возмущения и уязвленного эго, я заключил магический контракт с лордом Лестером. Условия: обучить объект высшей магии и этикету, представить Совету на Балу Зимнего Солнцестояния. Ставки: титул «Первого Теоретика» против «Ока Этельгарда».

Я сошел с ума. Это единственное логичное объяснение. Я не знаю даже ее имени, не знаю, где она живет. В Нижнем Ярусе миллионы людей. Найти одну конкретную девушку с ломом и катастрофическим словарным запасом — задача, граничащая с невозможным.

Но я Вандервуд. Мы не отступаем перед невозможным. Мы просто классифицируем его как «временную трудность». Завтра я начну поиски. Мне нужен навигатор, который не боится грязи. И мне нужно купить очень много лавандового экстракта.

Себастьян закрыл блокнот, убрал его в ящик стола и посмотрел в окно, на парящие в небе шпили Верхнего Яруса. Где-то там, далеко внизу, под слоем смога и грязи, бродила его переменная. Его хаос. Его шанс.

— Так кто же ты такая, черт возьми? — прошептал он в пустоту идеальной комнаты.

Глава 4

Лорд Себастьян Вандервуд никогда в жизни не чувствовал себя так нелепо, и это было серьезное заявление, учитывая, что в детстве его заставляли участвовать в благотворительном балу в костюме пастушки из-за проигрыша в карты старшему брату.

Сейчас, однако, пастушка казалась ему вершиной элегантности.

Он снова был в Нижнем Ярусе. На этот раз он не стал полагаться на «Орион-7», который, судя по всему, имел встроенный аристократический предрассудок и отказывался работать в «грязных» условиях. Вместо этого Себастьян использовал примитивный, но, как он рассчитывал, более эффективный метод. Он взял серебряную ложку для яиц (которую тайком украл из столовой, потому что его собственные приборы были слишком тяжелыми для кармана), обмотал ее нитью, вытянутой из его собственного идеального галстука, и зачаровал на резонанс.

Не на чистый эфир, нет. Он настроил ложку на ту специфическую, хаотичную и возмутительно грубую частоту, которую оставил после себя раскаленный лом в том самом переулке. Да, это было вульгарно, ненаучно и похоже на поиск иголки в стоге сена с помощью магнита, притягивающего только ржавые иголки, но ложка работала, и это главное.

Она дергалась в его руке, как живая, указывая в сторону Свалки. Себастьян шёл за ней, стараясь не смотреть по сторонам. Любопытные взгляды местных жителей уже не пугали его как в первый раз. Какой-то мальчишка с обритой головой даже попытался срезать у него карманные часы, но Себастьян, не останавливаясь, просто создал микроскопический разряд статического эфира на своей мантии. Мальчишка пискнул, отряхивая обожженные пальцы, и ретировался.

— Грубо, — пробормотал Себастьян, морщась. Ему пришлось использовать низшую, «грязную» технику, чтобы защитить свои вещи. Он чувствовал, как его аура возмущенно ёжится.

Свалка встретила его рёвом и запахом паленой резины. Это было огромное пространство, заставленное горами магического и обычного хлама. Здесь продавали всё: от треснувших кристаллов памяти до ржавых паровых двигателей, от полуразложившихся зелий до странных, шевелящихся артефактов, которые лучше не трогать без толстых перчаток.

Ложка в его руке начала бешено вибрировать, указывая на небольшую палатку, сколоченную из разноцветных досок. Над палаткой висела вывеска с кривыми буквами: «У Горбатого. Найдётся всё».

Себастьян подошел ближе и остановился, сливаясь с тенью большого парового котла.

За прилавком стояла она.

Девушка из переулка.

Она была в том самом кожаном жилете, но теперь поверх него был накинута грязный фартук. Её волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди, а на щеке красовалось пятно от машинного масла. Она держала в руках какой-то странный, потускневший чайник и с выражением лица, полным искреннего возмущения, смотрела на тощего, лысого мужчину с горбатым носом — видимо, самого Горбатого.

— Ты издеваешься? — голос девушки был громок и мелодичен, перекрывая шум рынка. — Ты хочешь, чтобы я взяла этот чайник за три серебряных? Горбатый, этот чайник может заварить только чай с привкусом чьих-то сожалений! Я вчера проверила его на крысах. Они пили из него и пытались повеситься! Это не артефакт, это проклятая рухлядь!

— Девка, ты хоть понимаешь, что это редкий эльфийский сплав? — огрызнулся Горбатый, вытирая пот со лба грязной тряпкой. — В нём магии на полкроны!

— В нём магии на полкроны и на пару часов головной боли! — парировала девица, хлопая чайником по прилавку. — Давай пять серебряных, и я заберу его. И в качестве бонуса я

сниму с него проклятие, которое ты, видимо, подцепил, когда копался в мусоре у кладбища самоубийц. Иначе к вечеру у тебя не только нос будет горбатым, но и спина.

Горбатый побледнел, сглотнул и, не торгуясь больше, отсчитал пять монет. Девушка довольная, сунула чайник в мешок, забрала деньги и ловко спрятала их в один из бесчисленных карманов жилета.

Себастьян выдохнул. Его «ложка-искатель» наконец успокоилась и повисла на нитке, как обычный предмет столового серебра. Он сделал шаг вперед, выходя из тени.

— Простите, — произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал максимально властно и аристократично, но при этом не слишком резко.

Девушка обернулась. Увидев его, ее глаза расширились, а затем медленно, очень медленно сузились. На её губах появилась улыбка, от которой у Себастьяна по спине пробежал холодок.

— О, боги, — протянула она, опираясь локтями на прилавок. — Это не сон. Это галлюцинация от вдыхания эфирных паров. Лорд Сыр. Я так и знала, что ты не сможешь устоять и вернёшься за добавкой. Скажи, крысы в том переулке были слишком жёсткими, и ты решил найти себе более изысканную добычу?

Себастьян поморщился.

— Во-первых, меня зовут Себастьян. Во-вторых, я не охочусь. И в-третьих, мне нужно с Вами поговорить. Наедине.

— Наедине? — Девушка театрально прижала руку к груди. — Лорд, Вы компрометируете меня! Мы ведь даже не представлены должным образом. Вдруг кто-то увидит и подумает, что я согласилась на ваши ухаживания за пару медяков.

— Никто не увидит, — сквозь зубы процедил Себастьян, чувствуя, как его безупречное терпение начинает трещать по швам. — И я готов заплатить за Ваше время. Пять золотых крон. Просто за разговор.

Нахальная девица моргнула. Упоминание золота мгновенно стерло с её лица насмешку. Она огляделась, кивнула в сторону невзрачного здания на краю рынка, над дверью которого висела вывеска с изображением до боли знакомой, утопленной крысы.

— Таверна «У Топленого Грызуна», — сказала она. — Там есть задняя комната. Она хоть и пахнет мочой и старым пивом, но там довольно тихо. Иди туда, закажи нам что-нибудь. Я буду через минуту.

Она быстро о чем-то договорилась с Горбатым, подмигнула ему и зашагала к таверне, ловко лавируя между тележками. Себастьян последовал за ней, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов.

Внутри таверна была именно такой, как он и представлял: темной, липкой и пахнущей так, что его желудок совершил предательский кульбит. Он подошел к стойке, стараясь не касаться её липкой поверхности, и попросил трактирщика принести «что-нибудь, что было прокипячено не менее трех раз». Трактирщик хмыкнул и поставил перед ним кружку с мутной жидкостью, от которой шёл пар.

Девушка появилась через несколько минут. Она села напротив него, откинувшись на спинку стула, и посмотрела на кружку.

— Что это? — спросила она.

— Кипячёная вода, — ответил Себастьян, брезгливо пододвигая кружку подальше. — С добавлением капли лимонного сока, если они здесь знают, что такое лимон.

— Слабак, — фыркнула в ответ девчонка. Она щелкнула пальцами, подзывая трактирщика. — Дай мне «Слезу докера». И побыстрее, а то я начну скучать и сломаю тебе руку.

Трактирщик, крупный мужик с шрамом через всю щеку, даже не огрызнулся. Он быстро налил ей в грязный стакан густую, фиолетовую жидкость, от которой пошёл едкий дым, и ретировался.

Девушка пододвинула стакан к себе, сделала большой глоток, поморщилась и довольно выдохнула.

— Ну, — сказала она, вытирая рот рукавом. — Выкладывай, лорд. Зачем ты искал меня? И как, кстати, нашёл? Я думала, вы, благородные, в наших трущобах без навигатора слепнете.

— Я модифицировал свой навигатор, — кратко ответил Себастьян, решив не упоминать про серебряную ложку. — Он настроен на резонанс вашего... эфирного следа. А нашел я Вас, чтобы предложить сделку. Скажите, как Вас зовут?

— Как меня зовут? — Собеседница приподняла бровь. — Что тебе даст моё имя?

— Я просто хочу быть вежливым.

— Ладно. Меня зовут Ариана.

Себастьян выпрямился, собираясь с мыслями. Ему нужно было объяснить ей свою теорию, но, глядя в её насмешливые глаза, он понял, что академические лекции тут не сработают. Нужно говорить на её языке. На языке выгоды.

— Вы нужны мне.

Девушка медленно поставила стакан. Фиолетовая жидкость в нем опасно забулькала.

— Прости, что? — тихо спросила она. — Ты только что предложил мне себя? Лорд, я, конечно, лещ люблю, но ты даже не помылся после вчерашнего. И твои манеры...

— В смысле, мне нужно, чтобы Вы стали моим... подопытным объектом, — быстро поправился Себастьян, чувствуя, как к лицу приливает предательский румянец. — То есть, ученицей.

Девица расхохоталась. Это был такой громкий, искренний смех, что несколько посетителей таверны обернулись.

— Ученицей? Ты? Меня? — она вытирая выступившие слезы. — Слушай, Сыр, я вчера взорвала котёл, сегодня чуть не отравила себя «Слезой докера», а моя магическая база состоит из трех ругательств и умения бить ломом. Ты уверен, что хочешь тратить на это свое время? У тебя там, наверху, наверняка полно девочек, которые умеют вышивать и играть на лютне.

— Мне не нужны девочки, которые умеют вышивать, — отрезал Себастьян. — Мне нужна та, кто может манипулировать эфиром на уровне, который академическая наука считает невозможным. И я хочу это доказать.

Он достал из кармана сложенный лист пергамента и развернул его на столе, придавив кружкой с кипятком.

— Вот условия, — сказал он. — Я беру Вас под свое покровительство. Вы переезжаете в гостевой флигель моего поместья. Я предоставляю вам комнату с настоящей кроватью, горячей водой и трехразовым питанием. Я оплачиваю все Ваши текущие долги — я почему-то уверен, что они у Вас есть, и сверх того дам Вам пятьсот золотых крон авансом. И, самое главное, я предоставляю Вам неограниченный доступ к библиотеке артефактов университета «Святой Магнус».

Девушка смеяться перестала. Она смотрела на пергамент, потом на Себастьяна, потом снова на пергамент. Ее лицо было непроницаемым, но Себастьян заметил, как напряглись её скулы.

— Пятьсот крон, — медленно произнесла она. — И доступ к артефактам.

— Да, — кивнул он.

— И ты хочешь, чтобы я за это... что? Стала твоей игрушкой? Позировала для твоих научных трактатов? Показывала, как грязные низы колдуют, чтобы ты мог получить высший балл за диссертацию?

— Я хочу, чтобы Вы научились контролировать свою силу, — жестко ответил Себастьян, чувствуя укол обиды. — И чтобы Вы сдали экзамены в магический вуз. Настоящие экзамены. По высшей программе. И чтобы Высший Магический Совет признал Вас равной себе.

Ариана молчала долго. Она смотрела на него, и в ее взгляде больше не было насмешки. Теперь там был тяжелый, оценивающий взгляд уличного бойца, который пытается понять, в чём подвох.

— Зачем? — наконец спросила она. — Зачем тебе это? Ты же аристократ. Ты же должен презирать нас. Считать, что мы грязь, которая не способна даже ложку правильно держать.

Себастьян сжал челюсти. Он не мог рассказать ей про пари. Про то, что он поставил на кон свой титул и будущее из-за уязвленного эго и спора с идиотом Лестером. Это разрушило бы всё.

— Потому что наука требует доказательств, — сухо сказал он. — А я не привык проигрывать. Особенно тем, кто считает, что мир состоит только из тех, кто носит шелк и тех, кто о нём даже не слышал.

Ариана смотрела на него еще минуту. Потом она медленно выдохнула, отодвинула стакан с фиолетовой жидкостью и потянула пергамент к себе.

— Ладно, — сказала она. — Я согласна.

Себастьян даже моргнул от неожиданности. Он приготовил целую речь, чтобы убедить её, а она просто... согласилась?

— Правда? — спросил он, стараясь не выдать облегчения.

— Правда, — кивнула Ариана. — Пятьсот крон, долги, комната и артефакты. За такое я готова даже мыться каждый день и носить эти ваши дурацкие корсеты, если придется. Но есть одно условие.

Себастьян насторожился.

— Какое?

Ариана наклонилась вперед, опираясь локтями на стол. Её лицо было серьезным, но в глазах плясали чертенята.

— Ты учишь меня магии, этикету и вот этой всей чуши, что ты там наговорил, но на замену, — она коверкала слова, демонстрируя свое отношение к высшему свету, — ты учишь меня одному важному навыку.

— Какому? — спросил Себастьян, готовясь к тому, что она попросит научить её читать древние руны или управлять стихиями.

— Ты учишь меня тому, — медленно, четко произнесла Ариана, — как посмотреть герцогу в глаза и послать его на три буквы так, чтобы он еще и спасибо сказал, и орден вручил за проявленную оригинальность.

Себастьян открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Вы... вы шутите?

— Есть такое, — ответила Ариана, хитро прищурившись.

— Но этикет — это не предмет для шуток! — возмутился Себастьян. — Этикет — это искусство гармонии и уважения! Это...

— Ой, да ладно тебе, Сыр, — фыркнула Ариана. — Я видела, как вы, благородные, общаетесь на балах. Вы улыбаетесь, кланяетесь, а потом друг друга в порошок стираете. Может, я тоже так хочу.

Себастьян смотрел на нее. Она была невозможна. Она была вульгарна, жадна и абсолютно лишена благоговения перед его титулом. Она была самым ужасным, самым раздражающим существом, которое он когда-либо встречал. Но он прекрасно понимал, что у него нет выбора.

— Хорошо, — выдал он из себя. — Я... изучу этот вопрос. И включу это в программу обучения.

— Отлично! — Ариана довольно улыбнулась, обнажив ровные, белые зубы. — Тогда давай руки.

Она протянула ему свою грязную, с коротко остриженными ногтями и мозолями руку. Себастьян посмотрел на нее, потом на свою идеальную, ухоженную руку в тонкой перчатке, вздохнул, снял перчатку и пожал её руку.

В момент соприкосновения по рукам прошла слабая, но отчетливая искра. То был эфирный разряд. Теплый, живой и немного колючий. Себастьян почувствовал, как его аура, обычно такая холодная, на мгновение дрогнула и отозвалась на хаотичную, пульсирующую волну Арианы.

Она тоже почувствовала это. Её глаза на секунду расширились, но она быстро моргнула и отдернула руку.

— Ну всё, — сказала она, вставая из-за стола. — Контракт заключен. Когда мы едем? Я хочу посмотреть свою комнату. И, кстати, надеюсь, у вас там нет пауков. Я их не особо люблю.

— В моем поместье нет пауков, — автоматически ответил Себастьян, тоже вставая. — Самоочищающиеся чары не позволяют им селиться.

— Ох, какая жалость, — Ариана подхватила свой мешок с хламом. — Ладно, веди, лорд. Покажи мне свой верхний мир роскоши и богатства. Посмотрим, как живут пингвины в тумане.

Они вышли из таверны. Себастьян шёл рядом с ней, чувствуя себя так, словно вёл на поводке дикую кошку, которая только что согласилась носить ошейник, но при этом обещала в любой момент пустить в ход когти.

Когда они подошли к лифту, соединяющему Ярусы, Ариана остановилась и посмотрела на сияющие, парящие в небе шпили Верхнего Яруса. В её глазах на мгновение мелькнуло что-то, что Себастьян не успел разглядеть — то ли страх, то ли упрямая решимость.

— Знаешь, Сыр, — тихо сказала она, не поворачивая головы. — Если я проиграю... если у меня не получится... ты ведь не бросишь меня там, наверху? Одну?

Себастьян посмотрел на её профиль, на упрямую линию подбородка. Он вспомнил, как она стояла в переулке, окруженная крысами, и не отступила ни на шаг.

— Я — Вандервуд, — тихо ответил он. — Мы не бросаем свои проекты. Даже самые... проблемные.

Ариана усмехнулась, но кивнула.

— Ладно. Тогда поехали. У меня еще много дел, а я, кажется, только что продала свою душу за пятьсот крон и доступ к библиотеке.

Они шагнули в кабину лифта. Двери закрылись, отрезая их от запаха гнили и угольной пыли. Кабина плавно, бесшумно понеслась вверх, к свету, к чистому эфиру, к миру, где правила были написаны на тонкой пергаментной бумаге аккуратным почерком аристократов, а не выцарапаны гвоздём на стенах переулков.

Себастьян стоял рядом с ней, чувствуя, как его сердце бьется в непривычном, быстром ритме. Он достал из кармана свой маленький кожаный блокнот, пока лифт поднимался, и быстро написал:

«День второй. Контракт подписан. Объект согласился на условия, но поставил своё условие: обучить ее искусству элегантно посылать. Боги, помогите мне. P.S. Она пожала мне руку. У ней такая тёплая магия. Это не вписывается в теорию. Нужно будет переписать параграф 4 во второй главе моей диссертации».

Он убрал блокнот и посмотрел на Ариану. Она смотрела на свои руки, сжимая и разжимая пальцы.

Глава 5

Лифт остановился и двери из матового стекла плавно разъехались в стороны. Ариана шагнула на платформу и тут же замерла, широко раскрыв глаза.

Она ожидала увидеть золото, мрамор и, возможно, парящих в воздухе ангелочков, которые играют на лютнях. Но Верхний Ярус оказался пугающе... нормальным. «Нормальным» в понимании тех, кто никогда не знал, что такое настоящий голод. Воздух здесь был настолько чистым, что Ариана невольно закашлялась — ей не хватало привычной тяжести угольной пыли в легких. Небо было не серым, а пронзительно-голубым, а солнце светило так ярко, что пришлось прищуриться.

Перед ними возвышался особняк Вандервудов. Белоснежные колонны, уходящие в облака, идеально подстриженные живые изгороди, фонтан в центре двора, где вода текла не вниз, а вверх, образуя сложные, вечно меняющиеся геометрические фигуры.

— Не смотрите на фонтан слишком долго, — раздался тихий голос Себастьяна рядом с ней. — У некоторых людей с непривычки начинает кружиться голова от идеальной гидродинамики.

Ариана фыркнула, отрывая взгляд от воды.

— Да ну тебя. Я видела фонтаны и получше. Вон, на площади у Среднего Яруса там мужик из собственного носа воду пускал, и это было куда зрелищнее.

Себастьян закрыл глаза и глубоко вздохнул, словно молясь о терпении.

— Мисс Ариана, мы в доме. Прошу Вас, хотя бы сегодня, постараться притвориться, что Вы знаете, в каком году мы живем, и что за окном не базарная площадь.

Дверь особняка открылась сама собой, стоило им подойти на расстояние трех шагов. На пороге их встретил мужчина лет шестидесяти в безупречном фраке и лицом, выражающим глубокое философское презрение ко всему миру. Ариана сразу прониклась к нему симпатией.

— Лорд Себастьян, — произнес он, склонив голову ровно на сорок пять градусов. — Добро пожаловать домой. Я взял на себя смелость подготовить гостевое крыло, как Вы и просили в письме.

— Благодарю, Стерлинг, — кивнул Себастьян. — Это мисс Ариана. Она будет жить у нас некоторое время. Прошу обеспечить ее всем необходимым.

Стерлинг перевел взгляд на Ариану. Его глаза, холодные и серые, как зимнее небо, за доли секунды просканировали ее с ног до головы: грязные сапоги, потертый кожаный жилет, пятна машинного масла на щеке и торчащие во все стороны волосы. Ариана ухмыльнулась и подмигнула ему. Стерлинг не моргнул. Его лицо осталось каменным, но Ариана поклялась бы, что его левый глаз дернулся.

— Мисс Ариана, — произнес он тем же безэмоциональным тоном. — Ваше крыло готово. Горничные уже ждут.

— Горничные? — настороженно переспросила Ариана.

Не успела она уточнить, что именно ее настораживает, как из боковых дверей выпорхнули... они. Четыре женщины в одинаковых черно-белых платьях и накрахмаленных чепцах. Они окружили Ариану плотным кольцом, и, прежде, чем она успела выругаться, ее подхватили под руки и понесли вглубь дома.

— Эй! Я сама могу ходить! У меня ноги не из ваты! — возмутилась Ариана, но ее голос потонул в шуршании крахмала.

Ее привели в комнату. Ариана остановилась посреди ковра (который, к ее удивлению, был мягким, как мох, и слегка пружинил под ногами) и медленно обвела взглядом помещение.

Это была не комната. Это был зал. Кровать размером с ее бывшую кухню была застелена шелками, которые переливались всеми оттенками заката. Камин был выложен из камня,

в котором, если присмотреться, застыли настоящие, окаменевшие языки пламени. На туалетном столике стояли флаконы с духами, чьи ароматы смешивались в воздухе, создавая запах весеннего сада после дождя.

— Это что, ловушка? — спросила Ариана, оглядываясь на горничных. — Где подвох? Сейчас пол провалится, или кровать меня сожрет?

— О, мисс, — пропищала самая младшая из горничных, уже расшнуровывая грязный фартук Арианы. — Это просто комната для важных гостей. Лорд распорядился, чтобы все было идеально. Сейчас мы Вас помоем, причешем и оденем к ужину.

«Помоем». Это слово прозвучало как приговор.

Девушки стащили с неё одежду с пугающей скоростью. Ариана привыкла мыться в корыте, где вода была теплой ровно три минуты, а потом становилась ледяной. Здесь же её усадили в ванну, вырезанную из цельного куска мрамора. Вода в ней была не просто теплой — она была будто живой. Крошечные магические пузырьки мягко массировали мышцы, смывая с нее сажу, эфирную слизь и запах Трущоб. Ариана сначала напрягалась, ожидая подвоха, но потом расслабилась, закрыв глаза.

— Ладно, пингвины, — пробормотала она. — С этим вы не прогадали.

Но расслабление длилось недолго. Как только она высохла (ее просто обдало потоком теплого, ароматного воздуха), началась главная пытка.

Горничные принесли платье. Оно было темно-синим с белой вышивкой по краю подола. Но не платье пугало Ариану. Пугала та вещь, которую старшая горничная держала в руках, словно святыню.

— Это что еще? — Ариана отступила на шаг, прикрываясь полотенцем.

— Корсет, мисс, — ответила горничная. — Для формирования силуэта. Лорд Себастьян просил подготовить Вас к вечернему чаю.

Ариана посмотрела на корсет. Это была конструкция из плотной ткани, китового уса и металлических вставок, которая выглядела так, будто ее изобрели исключительно для целей допроса и последующего наказания.

— Нет, — сказала Ариана твердо. — Я не буду это надевать.

— Мисс, это необходимо, — горничная шагнула вперед. — Без корсета платье не сядет должным образом, а лорд очень ценит...

— Скажи лорду, что, если он хочет, чтобы я выглядела должным образом, он может сам прийти и затянуть мне эту петлю на шее, — огрызнулась Ариана.

Но горничные были неумолимы. Ариану скрутили, обвили тканью и начали тянуть шнуровку.

— Ааа! Блин! Осторожнее, ёшкин кот! Вы мне внутренние органы в горло запихнете! — рычала Ариана, хватаясь за края кровати.

— Потерпите, мисс, красота требует жертв, — прошипела старшая горничная, делая еще один рывок.

Ариана перестала дышать. Ее грудная клетка была сдавлена так, что каждый вдох казался роскошью. Но хуже всего было не это. Хуже всего было то, что ее магия, которая всегда текла в ней свободно, как бурная река, вдруг оказалась запертой в узком русле. Корсет действовал как магический демпфер. Эфир, не находя выхода, начал бурлить внутри нее, нагреваясь с каждой секундой.

— Всё, — выдохнула Ариана, когда корсет наконец завязали. Ее голос звучал хрипло. — Я щас умру.

Ее облачили в платье. Волосы собрали в сложную прическу, оставив несколько локонов обрамлять лицо. Ариана посмотрела в зеркало и обомлела. Чёрт подери, она выглядела как леди! Но чувствовала она себя так, будто ее заковали в броню, которая давит на все болевые точки.

— Веди меня к этому вашему лорду, — прорычала она. — Пока я не начала крушить мебель.

Столовую, в которой их ожидал Себастьян, Ариана бы описала одним словом: «музей». Длинный стол из темного дерева был накрыт скатертью, белее снега. На нем стояло такое количество приборов, что Ариана на секунду подумала, не готовится ли здесь армия к битве с помощью вилок и ножей.

Себастьян сидел во главе стола. Он был одет в безупречный вечерний костюм, его темные волосы слегка блестели, а в руке он держал тонкую фарфоровую чашку. Когда Ариана вошла, он поднял глаза, и Ариана увидела, как его пальцы на мгновение замерли.

Он будто бы впервые её увидел. Его серые глаза были темными, почти черными, а взгляд скользил по ее лицу, задерживаясь на изгибе шеи, открытом благодаря проклятому корсету.

— Вы... выглядите... приемлемо, — сказал он, быстро отводя взгляд и откашливаясь. — Садитесь, мисс Ариана.

— Приятно знать, что я «приемлема», — буркнула Ариана, опускаясь на стул. Стул оказался на удивление удобным, но корсет не давал ей откинуться на спинку. Она сидела прямо, как аршин проглотившая.

Стерлинг бесшумно появился рядом, наливая ей в чашку ароматный чай. Ариана посмотрела на чашку. Она была настолько тонкой, что просвечивала.

— Это что, бумага? — спросила она.

— Фарфор миссис Вандервуд, 1742 года выпуска, — холодно ответил Стерлинг. — Прошу обращаться с ним бережно.

— Ага, — Ариана взяла чашку двумя пальцами, боясь, что ее грубая сила раздаст ее в пыль. Она сделала глоток. Чай оказался на удивление вкусным, с нотками бергамота и чего-то цветочного. — Неплохо. Для мочи.

Себастьян, который уже поднес было свою чашку ко рту, замер.

— Для... мочи? — переспросил он.

— Ну, для цветочной мочи, — поправила Ариана, ставя чашку на блюдо с громким звоном. — Слушай, Сыр, а есть тут что-нибудь, что не выглядит как декорация? Я умираю с голоду.

Себастьян закрыл глаза, считая до десяти.

— Стерлинг, подавайте первое, — устало произнес он.

Следующие двадцать минут были для Арианы адом. Ей принесли суп-пюре, который нужно было есть ложкой, изогнутой под странным углом. Потом принесли рыбу, для которой существовала специальная вилка с тремя зубцами и тупой нож. Ариана смотрела на этот арсенал, как на набор для пыток. Она пыталась резать рыбу не тем ножом, и Стерлинг каждый раз бесшумно менял приборы, его взгляд был полон немого осуждения.

— Ты смотришь на меня так, будто я пытаюсь тебя убить, — шепнула она горничной, которая стояла за ее спиной.

— Вы держите вилку, мисс, как кинжал, — так же тихо ответила та.

Ариана фыркнула. Ей нужен был сахар в чай. Она потянулась к серебряной сахарнице. Рядом лежали щипцы для сахара — изящные, с тонкими, как паутинка, дужками и маленькими ложечками на концах.

Ариана взяла щипцы. Ее пальцы, привыкшие к тяжелому, грубому лому, не чувствовали этой хрупкости. Она сжала их, пытаясь отщипнуть кусочек сахара.

В этот момент ее магия, запертая в корсете, достигла критической точки. Эфир, не находя выхода через руки или жезл, рванул туда, где было самое сильное физическое напряжение — в ее пальцы.

Ариана даже не заметила, как ее кожа на мгновение засветилась тусклым фиолетовым светом.

Щипцы для сахара не просто расплавились. Они взорвались. Горячий металл брызнул во все стороны. Серебряные капли прошили воздух, одна из них упала на безупречную скатерть, прожгла ее насквозь и оставила черную дыру в полированном столе. Другая капля угодила в хрустальный графин с водой, который с громким хрустом треснул и разлил воду по всему столу, заливая серебряные приборы и тарелки с рыбой.

В столовой повисла тишина.

Ариана медленно разжала пальцы. На ее ладони лежала оплавленная, бесформенная капля серебра, которая медленно остывала, меняя цвет с красного на черный.

Она подняла глаза. Себастьян смотрел на нее. Его лицо было бледнее мела, а губы были плотно сжаты.

— Мисс Ариана, — его голос был тихим, как перед взрывом. — Вы только что расплавили щипцы для сахара, которые были подарены моей прабабушке самой королевой.

Ариана моргнула. Адреналин и боль от корсета делали ее мысли рваными.

— Они... они сами, — начала она, но тут же почувствовала, как внутри закипает злость. Злость на корсет, на рыбу, на эти тупые вилки, на его высокомерный тон. — Да пошел ты! Они были хлипкие! Я их даже нормально не сжала!

— Хлипкие? — Себастьян встал из-за стола, его стул с грохотом отлетел в сторону. — Это чистое серебро, обработанное лучшими мастерами Верхнего Яруса! Оно не может быть «хлипким»! Это Вы... Вы не контролируете свои выбросы! Вы как слон в посудной лавке!

— А ты как петух на насесте! — огрызнулась Ариана, тоже вскакивая. Корсет врезался в ребра, и она зашипела от боли, но не отступила. — Ты меня сюда привез, ты на меня этот корсет надел, ты заставил меня есть эту вашу тупую рыбу тремя вилками! А теперь обвиняешь меня в том, что я сломала твою игрушку?!

— Это не игрушка! Это семейная реликвия! — рявкнул Себастьян, теряя всякое самообладание. — И Вы не сломали ее, Вы ее расплавили! Потому что Ваша магия — это неуправляемый хаос! Вы не умеете ее контролировать! Вы просто выпускаете ее наружу, как дикарка, и разрушаете все вокруг!

Слова ударили Ариану сильнее, чем корсет. Она замерла. Ее чайные глаза потемнели. В них больше не было веселых чертенок. Там была холодная, уличная ярость.

— Дикарка? — тихо повторила она. — Да, я дикарка. Я выросла там, где магия — это единственный способ не сдохнуть от холода и голода. Я не училась в ваших тепличных академиях, где вы рисуете красивые кружочки и называете это наукой. Моя магия — это выживание. И если она «хаос», то это потому, что ваш «порядок» построил стену между нами и оставил нас гнить в трущобах.

Она шагнула к нему, игнорируя то, что Стерлинг и горничные в ужасе замерли у стен.

— Ты думаешь, я не знаю, что такое контроль? — прошептала она, и воздух вокруг нее начал вибрировать. Фарфоровые чашки на столе задрожали, звеня о блюдца. — Контроль — это когда ты знаешь, что можешь уничтожить все вокруг, но выбираешь не делать этого. А ты... ты просто боишься. Ты боишься всего, что не можешь засунуть в свою идеальную коробочку.

Себастьян смотрел на нее. Дрожь в чашках усилилась. Одна из них треснула. Он видел ее магию — такую первобытную, дикую, такую прекрасную в своей ярости.

Он сделал глубокий вдох, заставляя себя расслабить плечи и подавил в себе желание ответить криком. Он был Вандервудом. Он не опускался до уличных перебранок.

— Стерлинг, — сказал он, не сводя глаз с Арианы. — Уберите со стола. Мисс Ариана, видимо, устала. Проводите ее в комнату и... расшнуруйте корсет.

Ариана вздрогнула. Злость в её глазах на мгновение сменилась удивлением. Вибрация в воздухе стихла. Чашки перестали звенеть.

— Мне не нужно твоего снисхождения, — бросила она, отворачиваясь.

— Это не снисхождение, — тихо ответил Себастьян, глядя на ее напряженную спину. — Это необходимость. Если Вы останетесь в корсете, вы сожжете этот дом дотла вместе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.